

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.3.9
EDN: WFERXC

А. С. БЫКОВ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3

ВОЙНА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ СИНИШИ МАЛЕШЕВИЧА «ВОЙНА И ОБЩЕСТВО»¹

Аннотация. В 2026 г. вышло русскоязычное издание книги ирландского социолога, профессора Сিনিши Малешевича «Война и общество» — перевод монографии *The Sociology of War and Violence*, впервые опубликованной Cambridge University Press в 2010 г. Работа посвящена социологическому объяснению войны и организованного насилия. Способность современных обществ вести длительные массовые войны автор связывает с двумя историческими процессами — кумулятивной бюрократизацией насилия и центробежной (массовой) идеологизацией. Первый отражает развитие организаций и институтов, способных мобилизовывать, дисциплинировать и контролировать большие массы людей, второй — расширение возможностей для распространения и закрепления идеологических представлений, оправдывающих применение насилия. В рецензии рассматриваются теоретические основания этой концепции, исторический анализ формирования военной и государственной организации, трактовка национализма и пропаганды, проблема микросоциальной сплоченности, а также главы о социальной стратификации и «новых войнах». Особое внимание уделяется тому, как Малешевич связывает развитие военной организации с государственным строительством, а идеологию — с легитимацией коллективного насилия. К достоинствам книги относятся последовательное соединение классических и современных социологических теорий, сопоставление различных исторических кейсов и внимание к тому, как массовое насилие становится организационно возможным и общественно оправданным. Вместе с тем концепция Сিনিши Малешевича подробнее объясняет механизмы, позволяющие обществам вести массовую войну, чем причины начала конкретного вооруженного конфликта. Отмечается, что Сিনিша Малешевич практически не обращается к российской традиции социологии войны, прежде всего к работам П.А. Сорокина и Н.Н. Головина.

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта № 25-28-02398 «От войны как объекта социологического анализа к институционализации социологии войны как отрасли социологического знания: вклад российских ученых в мировую социологию».

Ключевые слова: Синиша Малешевич; социология войны; организованное насилие; бюрократизация насилия; идеологизация; национализм; солидарность.

Для цитирования: Быков А.С. Война как социальный процесс. Размышления над книгой Синиши Малешевича «Война и общество» // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 3. С. 178–190. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.3.9](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.3.9) EDN: WFEPXC

Введение

Русскоязычное издание книги Синиши Малешевича «Война и общество» вышло спустя шестнадцать лет после английского оригинала “The Sociology of War and Violence”, опубликованного в 2010 г. Для российского читателя этот перевод важен прежде всего тем, что делает доступной масштабную теоретическую работу, в которой война рассматривается как объект социологического исследования. Российские социологи также обращались к этой проблематике, исследуя войну, ее социальные причины, последствия и связь с другими общественными процессами [4, с. 106–108]. Поэтому появление книги С. Малешевича на русском языке позволяет вновь обратиться к вопросу о месте войны в социологическом знании и о социальных условиях, при которых становится возможным организованное насилие.

Отдельные разделы монографии автор публиковал ранее. Материал, вошедший впоследствии в первые две главы книги, был представлен в статьях “Solidary Killers and Egoistic Pacifists: Violence, War and Social Action”, “Collective Violence and Power” и “How Pacifist were the Founding Fathers?”, а десятая глава представляет собой переработанную версию статьи “The Sociology of New Wars?: Assessing the Causes and Objectives of Contemporary Violent Conflicts” [3, с. 511]. В монографии к этим исследованиям добавлен исторический анализ войн, государства как института, национализма, пропаганды, социальной стратификации и конфликтов конца XX – начала XXI в.

Исходная проблема сформулирована через различие между индивидуальным насилием и войной как организованным коллективным действием. С. Малешевич сознательно разделяет индивидуальную агрессию и организованное насилие: «В реальной жизни люди не столько наслаждаются насилием, сколько избегают насильственных столкновений. <...> Война всех против всех эмпирически невозможна: поскольку любое успешное насильственное действие подразумевает организацию, а организованное действие требует коллективной координации, иерархии и делегирования задач, любая война неизбежно представляет собой социальное событие» [3, с. 13]. Это положение определяет логику всей книги: объяснять требуется не врожденную склонность человека к насилию, а социальные условия, при которых люди оказываются вовлечены в длительное и организованное применение силы.

Для такого объяснения С. Малешевич вводит два понятия: «кумулятивная бюрократизация насилия» и «центробежная (массовая) идеологизация». Длительное коллективное насилие, по его словам, предполагает «наличие двух жизненно важных ингредиентов: сложного, структурного, организационного потенциала и мощной легитимизирующей идеологии». Далее автор уточняет:

«Поскольку насилие не приходит к человеку естественно и автоматически, его успешное применение в массовом масштабе, например во время войны, требует высокоразвитых организационных механизмов социального контроля и хорошо сформулированных и институционально закреплённых идеологических доктрин, способных оправдать такие действия» [3, с. 16]. Иными словами, массовая война требует организаций, способных мобилизовывать, обучать, снабжать и контролировать людей, и системы представлений, в рамках которой применение силы может быть оправдано.

Уже здесь обнаруживаются как достоинства, так и ограничения предложенной концепции. С. Малешевич показывает, каким образом создаются организационные и идеологические условия для длительной массовой войны. Однако наличие армии, развитого государственного аппарата, средств мобилизации и устойчивых представлений о политической общности ещё не означает, что государство обязательно начнет войну. Поэтому исследование убедительнее отвечает на вопрос, как становится возможным массовое организованное насилие, чем на вопрос о причинах начала конкретного конфликта в конкретный момент. Эта особенность концепции будет проявляться и в исторических главах, и в анализе национализма, пропаганды и современных войн.

Война в социологической теории

Первая часть книги посвящена месту войны и насилия в классической и современной социологической мысли. С. Малешевич оспаривает распространённое представление, что классическая социология почти не занималась этой проблематикой. По его мнению, во второй половине XX в. в самой дисциплине изменились исследовательские приоритеты: «Именно гегемония антимилитаристской социологической теории, распространившаяся во второй половине XX века, привела к отстранению социологии от исследования войны, а также к игнорированию богатой и многогранной “воинствующей” традиции путем переосмысления классики в строго “пацифистских” терминах» [3, с. 33]. Слова «воинствующий», «милитаристский» и «пацифистский» С. Малешевич использует в описательном, а не в оценочном смысле, что специально оговаривает [3, с. 33].

Под «воинствующей» традицией автор понимает социальную мысль конца XIX — начала XX в., в которой завоевание, межгрупповая борьба, военная организация и принуждение рассматривались как факторы общественного развития. Он обращается к Л. Гумпловичу, Г. Ратценхоферу, Ф. Оппенгеймеру, А. Рюстову и другим авторам, стремясь вернуть в дискурс о войне идеи, оттесненные на второй план после двух мировых войн [3, с. 78–79].

Э. Дюркгейм интересуется С. Малешевича прежде всего как теоретик солидарности. В общей картине общественного развития Дюркгейм действительно склонен рассматривать войну как аномалию и исторический пережиток. Однако в «Самоубийстве» он фиксирует другой эффект: национальные войны усиливают социальную и моральную интеграцию общества. Общая опасность заставляет людей «сомкнуть ряды», меньше сосредоточиваться на личных интересах и сильнее связывать себя с политическим сообществом, которому они принадлежат [3, с. 38].

Для С. Малешевича принципиально именно это наблюдение: солидарность не только поддерживает мирное взаимодействие, но и при определенных обстоятельствах способствует мобилизации и готовности к самопожертвованию.

У К. Маркса и Ф. Энгельса С. Малешевич выделяет связь насилия с государством и материальными условиями. После Парижской коммуны Маркс уделяет больше внимания государственному аппарату принуждения. При этом у Энгельса устройство армии, вооружение, тактика и стратегия зависят от экономических условий в обществе [3, с. 42–44]. С. Малешевич не отрицает их значение, но считает, что организацию насилия нельзя объяснить только через экономику, так как армия, государственный аппарат, дисциплина и бюрократические механизмы сами влияют на общественные изменения.

Наиболее сильную теоретическую опору концепция С. Малешевича находит у М. Вебера. Речь идет не только об определении государства через монополию на легитимное применение физического насилия, но и о связи бюрократии с дисциплиной, иерархией и профессионализацией. Малешевич неоднократно возвращается к веберовской формуле «военная дисциплина порождает всякую иную дисциплину» [3, с. 45]. Из нее следует важное для книги положение: военная организация была одной из сфер, в которых складывались и совершенствовались дисциплинарные и бюрократические практики, впоследствии распространившиеся на другие общественные институты.

Во второй главе С. Малешевич переходит к современным социологическим объяснениям войны и организованного насилия. Он рассматривает биологические, рационалистические и культуралистские подходы, указывая на их ограничения, а затем обращается к организационному материализму, который наиболее последовательно учитывает роль государства, принуждения и социальной организации. Вместе с тем и этот подход, по мнению автора, недостаточно объясняет роль идеологии в легитимации насилия. Наиболее близок Малешевичу подход, который он называет «организационным материализмом» и связывает прежде всего с работами Ч. Тилли, М. Манна, Э. Гидденса, Р. Коллинза, Дж. Холла и Дж. Поджи [3, с. 114–116]. Однако и здесь автор видит ограничение: эти исследования объясняют принудительную и организационную сторону государственной власти, но, по его мнению, недостаточно внимания уделяют тому, как насилие получает общественное оправдание [3, с. 128]. Поэтому к анализу организации С. Малешевич добавляет анализ идеологии.

Такое соединение разных теоретических традиций можно считать одним из главных достоинств книги. С. Малешевич не предлагает отказаться от идей К. Маркса, Э. Дюркгейма или М. Вебера и не заявляет о создании социологии войны заново. Он показывает, что проблемы принуждения, солидарности, дисциплины и легитимации уже присутствовали в классической теории, а затем связывает их с исследованиями государства и войны второй половины XX в. В этом отношении его работа пересекается с исследованиями государства в сравнительно-исторической социологии. Например, Ч. Тилли показал, что ведение войн требовало постоянного получения людей, денег, продовольствия и других средств; создававшиеся для этого налоговые, учетные и административные структуры затем становились частью государственного аппарата [11, р. 181–183]. С. Малешевич принимает эту логику, но дополняет ее анализом идеологии и микросоциальной солидарности.

Вместе с тем исторический обзор социологии войны у С. Малешевича имеет существенный пробел, особенно заметный после выхода русского перевода его книги. В этом обзоре практически отсутствует обращение к российской традиции изучения войны. П.А. Сорокин упоминается в основном тексте лишь как источник данных о росте численности европейских армий в XVI в. [3, с. 173], а Н.Н. Головин не упоминается вовсе. Между тем оба исследователя являются пионерами социологии войны. В «Современных социологических теориях» Сорокин посвятил отдельную главу «социологической интерпретации “борьбы за существование” и социологии войны» [5]. Третий том его «Социальной и культурной динамики» назывался “*Fluctuation of Social Relationships, War, and Revolution*” и был непосредственно посвящен в том числе войне [10].

Этот труд был связан и с Н.Н. Головиным, которого П.А. Сорокин привлек к подготовке третьего тома «Социальной и культурной динамики». Совместная работа включала сбор и сопоставление данных о военных конфликтах, их причинах, продолжительности и эффективности в разрешении территориальных, религиозных, классовых и политических споров [1, с. 31–32]. Само название книги Головина «Наука о войне. О социологическом изучении войны» прямо указывает на его стремление поставить изучение войны в социологическую плоскость [2]. В отечественной истории социологии эти исследования обоснованно рассматриваются как одна из ранних линий становления социологии войны [4, с. 107–108]. На фоне подробного внимания С. Малешевича к Л. Гумпловичу, Г. Ратценхоферу, Ф. Оппенгеймеру и другим авторам, чьи труды оказались забыты, отсутствие Н.Н. Головина и П.А. Сорокина именно как социологов войны выглядит особенно заметно.

Организация массового насилия: от армии к государству

В исторических главах С. Малешевич подробно раскрывает понятие кумулятивной бюрократизации насилия. Он описывает длительное развитие организаций, способных контролировать все больше людей и ресурсов, поддерживать дисциплину, обучать большие массы военнотружущих и обеспечивать их действия. В конце вводной части С. Малешевич дает развернутое определение: «Бюрократизация насилия носит кумулятивный характер, поскольку является непрерывным историческим процессом, предполагающим постоянное расширение организационных возможностей для разрушения; она бюрократична, поскольку предполагает постоянное развитие зародившейся в военной сфере бюрократической рационализации в ее веберийском смысле; и она принудительна, поскольку включает в себя не только осуществление контроля, применение насилия и ведение войн, но и способность внутренне умиротворять социальный порядок за счет своей монополии на угрозу применения насилия» [3, с. 20].

Наиболее подробно этот процесс прослеживается на материале раннего Нового времени. С. Малешевич не отрицает значения пороха, артиллерии, ручного огнестрельного оружия и новых фортификационных систем, но возражает против объяснения «военной революции» преимущественно техническими нововведениями. По его мнению, «технологические инновации шли рука об руку

с организационными и доктринальными изменениями» [3, с. 173]. Армии Морица Нассауского и Густава Адольфа отличались систематической подготовкой солдат, строгими правилами поведения, военными школами, письменными приказами, регулярным жалованьем и налаженным снабжением [3, с. 176–178]. Новое оружие становилось действительно значимым вместе с организацией, способной обучать людей и координировать их действия.

Изменение армии в свою очередь влияло на государственное управление. Постоянные крупные вооруженные силы требовали регулярного налогообложения, учета, транспортной системы, складов и административного персонала. С. Малешевич подводит итог этой взаимосвязи короткой формулой: «По мере расширения военной организации росло и государство с его бюрократическим аппаратом» [3, с. 180–181]. Здесь особенно заметна близость его суждений к Ч. Тилли, у которого ведение войны, получение необходимых для нее средств и государственное строительство образуют взаимосвязанный процесс [11, р. 181–183].

Следующим этапом становится массовая мобилизация эпохи Французской революции. Декрет о *levée en masse* (массовой мобилизации) 1793 г. позволил создать вооруженные силы численностью 983 тыс. человек; революционный энтузиазм при этом дополнялся новыми средствами организационного контроля [3, с. 188]. В XIX в. к ним добавились резервы, генеральные штабы, железные дороги и телеграф. К началу XX в. мобилизация охватывала уже не только армию, но и промышленность, транспорт, массовые коммуникации и значительную часть гражданского населения. Первая мировая война, по формулировке С. Малешевича, стала «первой тотальной войной, которая потребовала масштабной мобилизации целых обществ на обеспечение военных нужд» [3, с. 213].

Сильной стороной исторического анализа является и обращение к обществам за пределами Западной Европы. В главе «Социальная география военных действий» автор сравнивает разные исторические траектории и прямо указывает, что война могла становиться фактором модернизации не только в западноевропейских государствах. Среди наиболее показательных примеров он называет Османскую и Российскую империи и Японию [3, с. 228–229]. Российскому опыту посвящен отдельный раздел, где войны, милитаризация и территориальная экспансия рассматриваются в связи с преобразованиями государства и армии [3, с. 248]. Сопоставляя эти примеры, С. Малешевич показывает, что связи войны и модернизации складывались по-разному и зависели от устройства государства, военной организации и социальной структуры.

В XX в. возможности бюрократической организации проявились в предельной форме в тотальных войнах и массовом уничтожении. В анализе Холокоста С. Малешевич опирается на З. Баумана, но формулирует собственный вывод: «Что отличает геноцид от традиционной резни и массовых убийств, так это идеологическая и организационная современность. Это процесс, при котором монополия современного государства на насилие используется для реализации конкретного проекта идеального общественного устройства... Скорость, эффективность и высокая степень управляемости, которыми сопровождалась реализация так называемого окончательного решения, были обусловлены развитым разделением труда, иерархической постановкой задач и инструментальной рациональностью, то есть наличием всех отличительных черт современной социальной органи-

зации» [3, с. 217]. Здесь особенно видно, зачем автору нужны оба центральных понятия. Бюрократическая организация объясняет возможность систематически координировать массовое насилие, а идеология задает представление об общественном порядке, ради которого насилие может быть оправдано.

Именно исторический анализ бюрократизации представляется одной из наиболее убедительных частей книги, поскольку здесь автор показывает последовательность институциональных изменений на конкретном материале. Увеличение армии требовало новых способов набора и обучения; содержание армии — налогов и снабжения; управление крупными соединениями — профессиональных штабов и средств связи. Эти изменения можно подвергать временным и межгосударственным сопоставлениям. Гораздо сложнее оценить самостоятельное влияние идеологии. С. Малешевич утверждает, что применение силы нуждается в оправдании, но наличие такого оправдания еще не позволяет определить, почему война начинается в конкретный момент. Для этого необходимо учитывать политические решения, международную обстановку, стратегию участников конфликта и непосредственные обстоятельства кризиса. Поэтому кумулятивная бюрократизация насилия и центробежная идеологизация хорошо объясняют, каким образом общество приобретает средства для ведения массовой войны и ее оправдания, но не заменяют анализа причин отдельного вооруженного конфликта.

Идеология, национализм и солидарность

Бюрократизация описывает организационные возможности массового насилия; центробежная идеологизация — способы его общественного оправдания. Идеологию автор понимает шире, чем последовательную политическую доктрину. Опираясь на М. Биллига и М. Фридена, С. Малешевич подчеркивает, что идеологические представления могут быть противоречивыми, привычными и вообще не восприниматься человеком как идеология. В его формулировке идеология «создает карту социального и политического мира человека», помогает связывать отдельные события в понятную картину и участвует в легитимации или оспаривании властных отношений [3, с. 22]. Центробежная идеологизация обозначает историческое расширение возможностей распространения таких представлений благодаря массовой грамотности, образованию, печати, средствам массовой информации, воинскому призыву и политическому участию [3, с. 23].

Главным примером для С. Малешевича служит национализм. Здесь он активно использует концепцию «банального национализма» М. Биллига, согласно которой нация воспроизводится не только в периоды политического подъема, но и через повседневные, часто почти незаметные напоминания о национальной принадлежности [6, р. 6]. С. Малешевич развивает эту мысль применительно к своей концепции идеологизации: «Сила националистической идеологии не коренится в мощных боевых кличах и героических образах победы и самопожертвования. Такие яркие образы и действия редки, исключительны и, как правило, недолговечны. Более того, само их существование зависит от действенности вялотекущего повседневного национализма» [3, с. 298]. Далее он связывает устойчивость национализма с его привычным воспроизведением в политической риторике, СМИ, символах и других повседневных практиках [3, с. 298–299].

Такое понимание позволяет автору отказаться от объяснения войны через внезапное пробуждение «национальной ненависти». Национальные представления формируются задолго до конфликта и поддерживаются институтами повседневной жизни. Однако самих представлений недостаточно для массового насилия. С. Малешевич прямо отмечает, что привычного воспроизводства банального национализма «недостаточно, чтобы превратить обычных мужчин и женщин в жестоких и эффективных массовых убийц»; для этого необходима социальная организация, способная объединять большие группы и заставлять их действовать определенным образом [3, с. 302]. Отсюда и его важный вывод о связи войны и национализма: «И самое главное, война не порождает национализм, как и национализм не порождает войну. Напротив, развитие национализма во многом обусловлено институциональными процессами... а именно: центробежной идеологизацией и кумулятивной бюрократизацией принуждения» [3, с. 309].

В глава о военной пропаганде уточняется, как автор понимает действие идеологии. С. Малешевич отвергает представление о пропаганде как о средстве, способном быстро изменить убеждения пассивной аудитории. В подтверждение он обращается, в частности, к исследованию Э. Шилза и М. Яновица о вермахте. В их работе способность солдата продолжать сопротивление связывалась прежде всего с устойчивостью непосредственной первичной группы; политические и идеологические символы становились значимыми постольку, поскольку соединялись с отношениями внутри этой группы [9, р. 281]. Аналогичный акцент на ситуационных условиях насилия содержится в микросоциологии Р. Коллинза: непосредственная конфронтация вызывает напряжение и страх, поэтому насилие требует социальных условий, позволяющих преодолеть этот барьер [7, р. 41–43].

Сам С. Малешевич описывает роль пропаганды следующим образом: «Вместо того чтобы внезапно и драматически трансформировать популярные мнения и представления, пропаганда на самом деле помогает узаконить уже существующие и распространенные взгляды... Вместо того чтобы менять взгляды людей, военная пропаганда служит социальным зеркалом, которое всего лишь способствует артикуляции и укреплению тех установок и практик, которые уже пронизывают общественное мнение» [3, с. 316]. В заключении главы он идет еще дальше: «Военная пропаганда — это не автономная сила, а паразитическое образование, питающееся уже существующими практиками... Пропаганда не создает и не может создать солидарность там, где ее нет изначально» [3, с. 356].

Тем самым С. Малешевич не выводит поведение солдата непосредственно из идеологии. На поле боя особое значение приобретают отношения внутри небольшого подразделения: «Большинство добровольных жертв на поле боя на самом деле приносятся ради гораздо меньшей группы — своего взвода, отряда, отделения или команды» [3, с. 355]. Государство способно организовать войну и придать ей политический смысл, но непосредственное участие в насилии поддерживается также дисциплиной, взаимными обязательствами и сплоченностью малых групп.

Здесь, однако, возникает вопрос, насколько точно концепция связывает разные уровни анализа. Кумулятивная бюрократизация и центробежная идеологизация описывают процессы, разворачивающиеся на протяжении столетий. Действия конкретного военнослужащего определяются в большей степени непосредственными обстоятельствами: приказом, отношениями с сослуживцами,

страхом, оценкой ситуации, опытом боя. С. Малешевич учитывает и эти факторы, поэтому упрек в игнорировании микроуровня был бы неверен. Однако книга не всегда позволяет установить, какой из механизмов — организационное принуждение, идеологическая убежденность или групповая сплоченность — имеет решающее значение в конкретной ситуации.

С этим связан и более общий вопрос к понятию центробежной идеологизации. Его достоинство состоит в том, что оно позволяет анализировать не только официальные доктрины, но и привычные способы объяснения политической реальности. Однако в книге понятие охватывает очень широкий круг процессов. Если идеологизация сопровождает практически всю современную политическую жизнь, одного факта ее наличия недостаточно для объяснения насильственной мобилизации. Нужно дополнительно показать, при каких условиях привычные формы лояльности и повседневные представления начинают использоваться для оправдания войны. Автор фактически признает эту необходимость, когда подчеркивает, что банального национализма недостаточно без прямого институционального вмешательства [3, с. 302].

Социальная стратификация и «новые войны»

В последних частях своей книги С. Малешевич переносит предложенный подход на проблему социальной стратификации и на современные вооруженные конфликты. В главе о социальной стратификации он выступает против представления, что неравенство можно объяснить, не учитывая организованное принуждение, и формулирует тезис достаточно радикально: «Социальное расслоение возникло в результате войн и насилия», а организованное насилие «остается одним из важнейших факторов поддержания и распространения социального неравенства» [3, с. 361]. В заключении главы он усиливает эту позицию, утверждая, что «социальная стратификация чаще всего основывается на организованном контроле над насилием и идеологией» [3, с. 417].

Как критика теорий стратификации, в которых принуждение фактически исчезает из анализа, этот аргумент представляет несомненный интерес. Государственная защита собственности, правовых границ и правил доступа к ресурсам действительно предполагает возможность принуждения. Однако более сильный тезис — что социальная стратификация чаще всего основывается именно на контроле над насилием — требует дополнительных доказательств. Экономические отношения, собственность, образование, профессиональная структура и статусные различия не сводятся к принуждению и обладают собственной динамикой. Поэтому наиболее убедительно эта глава читается как требование вернуть организованное насилие в анализ социального неравенства, а не как попытка сделать насилие главным объяснением стратификации.

Последняя глава посвящена дискуссии о «новых войнах». М. Калдор относит к их отличительным чертам изменение целей, состава участников, способов ведения и финансирования вооруженных конфликтов, а также особую роль политики идентичности [8, р. 6]. С. Малешевич признает изменения, произошедшие в конце XX — начале XXI в., но возражает против представления о радикальном

разрыве с предшествующей историей. В начале главы он предупреждает о «хроноцентризме» — склонности придавать настоящему чрезмерную историческую исключительность [3, с. 472]. Его итоговая позиция сформулирована вполне определенно: парадигма «новых войн» «терпит неудачу, поскольку современные войны имеют больше сходства, чем различий, с традиционными войнами XIX и XX веков». Но тут же следует существенная оговорка: «Однако это не значит, что в отношениях между войной и обществом ничего не изменилось. В частности, существенно изменился уровень зависимости общества от технологий и прежде всего социальный, геополитический и идеологический контекст, в котором велись последние войны» [3, с. 473].

Эта критика максимально убедительна в отношении тех версий концепции «новых войн», где современность описывается как почти полный разрыв с прошлым. Исторические примеры действительно показывают, что партизанские действия, участие негосударственных вооруженных формирований, внешнее финансирование и насилие против мирного населения существовали задолго до 1990-х гг. [3, с. 475–476]. Однако из исторической устойчивости причин и отдельных практик не следует, что организационные формы войны не меняются. Новые технологии, дистанционные способы применения силы, транснациональные сети, иное соотношение государственных и негосударственных участников способны существенно перестраивать ведение войны. Сам С. Малешевич признает, что технологии изменили способы ведения ограниченных войн, хотя, по его мнению, их основные причины и цели остались прежними [3, с. 501–503]. Поэтому аргумент автора следует понимать как требование оценивать современную войну в длительной исторической перспективе, а не как отрицание любых качественных изменений.

Заключение

Книга С. Малешевича «Война и общество» представляет собой последовательную попытку вернуть войну и организованное насилие в число значимых проблем общей социологической теории. Ему удалось показать, что становление современного государства, бюрократических форм управления, национализма, социальной стратификации и коллективной солидарности нельзя рассматривать так, будто война и принуждение существовали отдельно от этих процессов.

Сильная сторона работы состоит в отказе от упрощенных, однопричинных объяснений войны. С. Малешевич не выводит массовое насилие непосредственно из биологической агрессии, экономического интереса, национализма, пропаганды или технического развития. В его анализе война требует развитых организаций, оправдания коллективных целей и социальных связей, поддерживающих готовность людей участвовать в насилии. Особенно убедительны главы о дисциплине и бюрократизации, пропаганде и микросоциальной сплоченности. Кроме того, обращение к опыту России, Османской империи и Японии показывает, что связь войны и модернизации не сводится к одной западноевропейской траектории.

Главное ограничение концепции С. Малешевича связано с тем, что она лучше объясняет условия, делающие массовую войну возможной, чем причины начала конкретного вооруженного конфликта. Кумулятивная бюрократизация насилия по-

казывает, каким образом государство получает возможность мобилизовывать и контролировать большие массы людей, а центробежная идеологизация демонстрирует, как применение силы может быть оправдано и включено в привычные представления о политической общности. Но война начинается не всякий раз, когда такие возможности существуют. Для объяснения конкретного конфликта необходимо дополнительно учитывать решения политиков, действия противоборствующих сторон, международную обстановку и обстоятельства кризиса. Поэтому концепция С. Малешевича наиболее убедительна как объяснение социальных механизмов, делающих массовую войну возможной и устойчивой, но не как исчерпывающая теория причин каждой войны.

Второе ограничение связано с самим понятием идеологизации. С. Малешевич справедливо показывает, что оправдание насилия не сводится к прямой пропаганде и может укореняться в повседневных представлениях. Однако чем шире становится содержание этого понятия, тем труднее отделить его действие от обычного функционирования политической культуры, образования, СМИ и государственных институтов. Для дальнейшего развития концепции важно точнее определить условия, при которых привычные формы политической лояльности начинают участвовать в оправдании организованного насилия.

Наконец, для российского читателя особенно заметно отсутствие полноценного обращения к работам П.А. Сорокина и Н.Н. Головина. С. Малешевич подробно возвращает в историю социологической мысли ряд забытых европейских авторов, но почти не включает в нее российские исследования войны первой половины XX в. Это не ставит под сомнение основную концепцию книги, однако делает представленную историю социологии войны неполной. Русскоязычный перевод предоставляет хорошую возможность для такого сопоставления: концепцию кумулятивной бюрократизации и центробежной идеологизации имеет смысл обсуждать не только рядом с Ч. Тилли, М. Вебером или М. Биллигом, но и в связи с ранними попытками систематического социологического анализа войны русскими социологами.

Таким образом, значение книги «Война и общество» состоит не в универсальном объяснении всех вооруженных конфликтов. С. Малешевич последовательно показывает, что война — социальный процесс, зависящий от устройства организаций, отношений власти и общества, способов ее легитимации и форм солидарности. Книга тем самым расширяет социологическое понимание войны, в ней предлагается учитывать организованное насилие при анализе истории современных институтов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Быков Александр Сергеевич — исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (900) 623-13-18. **Электронная почта:** sashab.99@mail.ru
SPIN-код: 3011-2924

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. Vol. 32. No. 3.
P. 178–190. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.3.9](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.3.9)**

Research Article

ALEKSANDR S. BYKOV¹

¹ Saint Petersburg State University

1/3, Smolnogo Str., 191060, Saint Petersburg, Russian Federation

WAR AS A SOCIAL PROCESS. REFLECTING ON SINIŠA MALEŠEVIĆ'S BOOK "WAR AND SOCIETY"

Abstract. The Russian-language edition of Siniša Malešević's *War and Society* was published in 2026 as a translation of *The Sociology of War and Violence*, first issued by Cambridge University Press in 2010. The book offers a sociological explanation of war and organized violence. Malešević links the capacity of modern societies to wage prolonged mass warfare to two historical processes: the cumulative bureaucratization of violence and centrifugal (mass) ideologization. The former refers to the development of organizations and institutions capable of mobilizing, disciplining and controlling large numbers of people; the latter to the expanding capacity to disseminate and institutionalize ideological representations that justify violence. The review examines the theoretical foundations of this concept, the historical analysis of military and state organization, the interpretation of nationalism and propaganda, microsocial cohesion, and the chapters on social stratification and "new wars." Particular attention is paid to the way Malešević connects military organization with state-building and ideology with the legitimization of collective violence. The book's strengths include its integration of classical and contemporary sociological theories, comparison of historical cases, and attention to how mass violence becomes organizationally possible and socially justified. At the same time, Malešević's concept explains the mechanisms that enable societies to wage mass war more comprehensively than it does the causes of particular armed conflicts. The review also notes his limited engagement with the Russian tradition of the sociology of war, especially the works of Pitirim A. Sorokin and Nikolai N. Golovin.

Keywords: Siniša Malešević; sociology of war; organized violence; bureaucratization of violence; ideologization; nationalism; solidarity.

For citation: Bykov, A.S. War as a Social Process. Reflections on Siniša Malešević's Book "War and Society". *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 3. P. 178–190. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.3.9](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.3.9)

Acknowledgements. The article was prepared under support of the Russian Science Foundation (RSF), project No. 25-28-02398, "From War as an Object of Sociological Analysis to the Institutionalization of the Sociology of War as a Branch of Sociological Knowledge: The Contribution of Russian Scholars to World Sociology".

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr S. Bykov — Researcher, Saint Petersburg State University. **Phone:** +7 (900) 623-13-18. **Email:** sashab.99@mail.ru **ORCID:** 0000-0001-5915-0642 **ResearchID:** AAQ-7941-2021

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Быков А.С. Питирим Сорокин и Николай Головин — ученые в изгнании. Грани научного сотрудничества // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г.: Сборник научных трудов. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 30–37.
Bykov A.S. Pitirim Sorokin and Nikolai Golovin — Scholars in Exile. Facets of Scientific Cooperation. *Pitirim Sorokin and Paradigms of Global Development in the 21st Century (on the 130th Anniversary of His Birth): International Scientific Conference, Syktyvkar, October 10–12, 2019: Collection of Scientific Papers*. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University publ., 2019. P. 30–37. (In Russ.)
2. Головин Н.Н. Наука о войне: О социологическом изучении войны. Париж: Сигнал, 1938. — 241 с.
Golovin N.N. *Science of War: On the Sociological Study of War*. Paris: Signal publ., 1938. 241 p. (In Russ.)
3. Малешевич С. Война и общество. Астана: Спринт Бук, 2026. — 512 с.
Malešević S. *War and Society*. Astana: Sprint Buk publ., 2026. 512 p. (In Russ.)

4. Образцов И.В. Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 106–116. DOI: [10.31857/S013216250010207-0](https://doi.org/10.31857/S013216250010207-0) EDN: SEMSAV
Obraztsov I.V. War as an Object of Sociological Analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020. No. 10. P. 106–116. DOI: [10.31857/S013216250010207-0](https://doi.org/10.31857/S013216250010207-0) (In Russ.)
5. Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть двадцатого столетия). Глава VI: Социологическая интерпретация «борьбы за существование» и социология войны / Пер. с англ. А.К. Конюхова, В.В. Сапова // Наследие. 2017. № 2 (11). С. 165–198. EDN: YTNQWX
Sorokin P.A. Modern Sociological Theories (Including the First Quarter of the Twentieth Century). Chapter VI: Sociological Interpretation of the “Struggle for Existence” and the Sociology of War. Transl. from Eng. by A.K. Konyukhov, V.V. Sapov. *Nasledie*. 2017. No. 2 (11). P. 165–198. (In Russ.)
6. Billig M. *Banal Nationalism*. L.: Sage, 1995. 200 p.
7. Collins R. *Violence: A Micro-sociological Theory*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. 584 p. DOI: [10.1515/9781400831753](https://doi.org/10.1515/9781400831753)
8. Kaldor M. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Cambridge: Polity Press, 2001. 216 p.
9. Shils E.A., Janowitz M. Cohesion and Disintegration in the Wehrmacht in World War II. *Public Opinion Quarterly*. 1948. Vol. 12. No. 2. P. 280–315. DOI: [10.1086/265951](https://doi.org/10.1086/265951)
10. Sorokin P.A. *Social and Cultural Dynamics. Vol. 3: Fluctuation of Social Relationships, War, and Revolution*. N.Y.: American Book Company, 1937. 636 p.
11. Tilly C. War Making and State Making as Organized Crime. *Bringing the State Back in*. Ed. by P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 169–191. DOI: [10.1017/CBO9780511628283.008](https://doi.org/10.1017/CBO9780511628283.008)

Статья поступила в редакцию: 25.08.2026; поступила после рецензирования и доработки: 01.09.2026; принята к публикации: 05.09.2026.

Received: 25.08.2026; revised after review: 01.09.2026; accepted for publication: 05.09.2026.